

mots-discours-marquants-fillonniste-radicalisation-brexit-populisme (дата обращения: 26.01.2017).

9. Quand le mot de l'année 2016 traduit l'état des sociétés [Electronic resource]. URL: <http://www.rtl.fr/actu/societe-faits-divers/quand-le-mot-de-l-annee-2016-traduit-l-etat-des-societes-7786304830> (дата обращения: 30.01.2017).

10. Telegraph [Electronic resource]. URL: telegraph.co.uk (дата обращения: 30.01.2017).

11. Urban Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=Trumpism> (дата обращения: 30.01.2017).

12. Washington Post [Electronic resource]. URL: washingtonpost.com (дата обращения: 31.01.2017).

* * *

1. Gusev V. Terroristy IG poterjali 25% zavhachennyh territorij v 2016 godu [Jelektronnyj resurs] // Izvestija: sajt. URL: <http://izvestia.ru/news/658536#ixzz4WJxyCXdQ> (дата обращения: 19.01.2017).

2. Issers O.S. V poiskah obshhego slovarja: diskursivnye praktiki novejshego vremeni cherez prizmu proektov «slovo goda» // Politicheskaja lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 48–53.

3. Razvedka SShA podschitala zhertv udarov bespilotnikov za gody prezidentstva Obamy [Jelektronnyj resurs] // Lenta.ru: sajt. URL: <https://lenta.ru/news/2017/01/20/dronekilledcivilian> (дата обращения: 20.01.2017).

4. Slovarei XXI veka: portal [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://slovarei21.ru> (дата обращения: 29.01.2017).

Linguistic and cultural characteristics “word of year”

The article deals with the words allocated in Russia, the UK and France as word of the year 2016. The word of the year is a marker of social life phenomena that become the most meaningful for the linguistic culture. The criteria for selection of such words are analyzed, the lexical groups in the Russian, French and English language media discourse are found out.

Key words: *word of year, media discourse, neologism, lexical group, politicization.*

(Статья поступила в редакцию 22.02.2017)

А.В. КРЕМНЕВА

(Барнаул)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ МЕЖТЕКСТОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Рассматриваются основные направления в исследовании интертекстуальности и возможные перспективы их развития. Отмечено, что, несмотря на огромное количество работ, посвященных различным аспектам интертекстуальности, интерес к данной теме не ослабевает. Подчеркивается, что между подходами к изучению проблемы интертекстуальности не существует жестких границ, в каждом из них присутствуют элементы интеграции с другими подходами. Отмечается также, что ряд исследований с трудом можно отнести к какому-либо из мейнстримов.

Ключевые слова: *интертекстуальность, структурно-семиотический подход, культурно-семиотический подход, семиотико-герменевтический подход, синергетический подход, коммуникативный подход, этнопсихолингвистический подход.*

Термин *интертекстуальность*, введенный в лингвистический обиход почти полвека тому назад литературоведом и семиотиком Ю. Кристевой, появлением которого она, по ее собственному признанию, обязана идеям М.М. Бахтина о диалогизме гуманитарного мышления, прочно закрепился в современном метаязыке гуманитарных наук, а теория интертекстуальности сегодня представляет собой широкое поле исследований для лингвистов и литературоведов, культурологов и искусствоведов. Как отмечает немецкий исследователь В. Хайнеманн, в лингвистике текста имеет место т.н. «интертекстуальный синдром», который находит свое проявление в стремлении трактовать любые межтекстовые связи как интертекстуальные (цит. по: [35, с. 178]).

При этом, несмотря на огромное количество работ, посвященных различным аспектам интертекстуальности, интерес к данной проблеме не ослабевает. «Чужое слово» (или «текст в тексте») становится сегодня характерной чертой художественных, публицистических и ре-

кламных текстов. Множество «чужих слов» «присвоено» нами и стало неотъемлемой частью нашего коммуникативного арсенала, превратившись в речевые клише. Подобные практики неизбежно привлекают внимание исследователей и требуют теоретического осмысления, поскольку теория, по словам В. Изера, – это лишь средство для раскрытия потенциала литературных текстов [37, р. VII].

Анализ многочисленных работ по проблеме интертекстуальности позволяет заключить, что на сегодня сложилось несколько подходов к ее изучению. Описанию этих подходов и поиску возможных перспектив исследования интертекстуальности посвящена настоящая статья. Подчеркнем, что между сложившимися подходами не существует жестких границ, поэтому наша классификация учитывает те аспекты, которые находятся в фокусе исследовательского интереса авторов и служат критериями их разграничения.

Структурно-семиотический подход базируется на философии структурализма и постструктурализма и эстетике постмодернизма. Его основные положения были сформулированы в работах Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Деррида, Ж. Женетта. Как признавала сама Ю. Кристева, на формирование ее концепции интертекстуальности оказали большое влияние идеи М.М. Бахтина, однако анализ ее работ показывает, что в контексте философии постструктурализма и эстетики постмодернизма эти идеи были кардинально трансформированы. Суть данной трансформации состояла в том, что антропоцентрический в своей основе подход М.М. Бахтина к пониманию сущности межтекстового взаимодействия как диалога сознаний заменен текстоцентрическим подходом, в результате чего на смену автору, творцу приходит Текст, что позволило Р. Барту говорить о «смерти автора» [4, с. 384].

Констатируя «смерть автора», Р. Барт наделяет свойством агентивности (или субъектности) сам текст, который выступает в трактовке философа не как продукт авторского творчества, а как существующий сам по себе, вступающий в диалогические отношения с другими текстами. Эту же точку зрения разделяет и Ю. Кристева: она определяет интертекстуальность как широкое поле знаковых систем, семиотических практик и текстовых организаций, отсылающее к тому способу, с помощью которого *«текст читает историю и вписывается в нее»* (курсив наш. – А.К.) (цит. по: [18, с. 38]). Идея самоорганизующей энергии текста, рассмотрение текста как генерато-

ра смысла сегодня получили дальнейшее развитие в рамках синергетического подхода к тексту, о чем пойдет речь ниже.

Таким образом, на смену интересубъектности М.М. Бахтина в работы Ю. Кристевой и Р. Барта приходит термин *интертекстуальность*, как это утверждает сама Ю. Кристева. При этом интертекстуальность понимается и Кристевой, и Бартом предельно широко. Так, по мнению Ю. Кристевой, «любой текст строится как мозаика цитаций, есть продукт впитывания и трансформации какого-либо другого текста» [21, с. 429]. Эту же мысль высказывает и Р. Барт, утверждая, что «каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [4, с. 418]. В книге “S/Z” он представляет подробное описание такого Текста как «совокупной множественности», выделяя в качестве его основных характеристик такие признаки, как принципиально нелинейный, сетевой характер, множественность кодов, отсутствие упорядоченной структуры, обратимость, отсутствие единого смыслового центра, допустимость множественности интерпретации [5, с. 14–15]. Мысль Р. Барта об отсутствии единого смыслового центра и допустимости множественности интерпретаций текста была доведена до абсолютизма в работах Ж. Деррида, утвердившего принцип децентрации (деконструкции), согласно которому всякий текст повествует собственную историю, никак не связанную с автором или адресатом [8; 17].

Таким образом, предельно широкое понимание интертекстуальности, развиваемое в трудах Р. Барта и Ю. Кристевой, согласно которому всякий текст есть интертекст, по сути, лишает данное явление предмета исследования, не позволяет выявить его специфику и его отграничение от иных форм межтекстового взаимодействия. Сегодня этот подход может представлять интерес для теоретиков истории литературы, но его аппликативный потенциал для исследований в области лингвистики не столь значителен.

Более узкое понимание сущности интертекстуальности, основу которого составляет структурный подход, представлено в работах Ж. Женетта. Этот автор основывается на понимании литературы как структурированной системы, при этом толчком к развитию его теорий во многом послужили идеи русского формализма, который он считал одной из первых моделей структурализма. Ж. Женетт рассматривает литературу как единое непрерыв-

ное пространство, внутри которого литературные произведения вступают во взаимодействие как между собой, так и с другими произведениями культуры. Литература, по мнению Ж. Женетта, подлежит структурному изучению как изнутри (отношения между литературными произведениями), так и снаружи (отношения между литературными произведениями и другими произведениями культуры) [13, с. 174–175]. Совокупность всех этих отношений Женетт именуется термином *транстекстуальность*, а интертекстуальность определяется им как одно из транстекстовых отношений, а именно как отношение соприсутствия, существующее между двумя или несколькими текстами, непосредственное присутствие одного текста в другом, находящее свое эксплицитное выражение в цитате, аллюзии или плагиате [14, с. 79–93]. В своих работах исследователь выстраивает типологию транстекстовых отношений, которая включает пять типов:

- интертекстуальность как эксплицитные следы присутствия одного текста в другом;
- паратекстуальность как отношения между собственно текстом и заголовком, эпиграфом, предисловием, послесловием;
- метатекстуальность как комментарий к тексту;
- архитектурность как межжанровое взаимодействие;
- гипертекстуальность (транстекстуальность) как объединение всех форм транстекстовых связей [14].

При этом ученый подчеркивает условность границ между этими типами. Примечательно и то, что Женетт рассматривает преимущественно межтекстовые связи, находящие эксплицитное выражение, что, на наш взгляд, не охватывает всего многообразия этих отношений. Более того, имплицитные межтекстовые связи, или т.н. смысловая переключка представляет наибольший интерес и требует более кропотливой исследовательской работы.

Структурно-семиотический подход получил дальнейшее развитие и приобрел новые ракурсы в трудах таких исследователей, как Ю.М. Лотман, И.П. Смирнов, Ю.С. Степанов, Р. Лахманн. Ю.М. Лотман, опираясь на идеи пражского структурализма и русского формализма, начал свое исследование проблемы «текста в тексте» в структурно-семиотическом аспекте, определяя текст как ограниченное, замкнутое в себе конечное образование, одним из основных признаков которого является наличие специфической имманентной структуры, при этом в понятие текста входит «пре-

зумпция кодированности», т.е. наличие определенного кода, при помощи которого передается смысл текста [25, с. 4–5]. Ученый отмечает, что в общей системе культуры у текстов есть две основные функции: адекватная передача значений и порождение новых смыслов. Первая выполняется при частичном совпадении кодов говорящего и слушающего, т.е. при максимальной однозначности текста. Условием для выполнения текстом его второй функции является его внутренняя неоднородность, наличие в нем разнородных семиотических пространств, двойного кодирования. В результате взаимодействия кодов возникает смысловая игра, и текст становится генератором новых смыслов [Там же, с. 8]. «Текст в тексте» определяется Ю.М. Лотманом как «специфическое риторическое построение, при котором различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста. Переключение из одной системы семиотического осознания текста в другую составляет в этом случае основу генерирования смысла» [Там же, с. 13]. Данное определение не потеряло своей актуальности и широко используется сегодня, хотя и в перефразированном виде, многими исследователями.

Следует особо подчеркнуть, что Ю.М. Лотман, в отличие от Р. Барта и Ю. Кристевой, не выводит субъекта (автора или читателя) за рамки этого явления, не приписывает этих функций тексту, а, напротив, указывает на необходимость рассмотрения прагматического аспекта текста, т.е. отношений между текстом и читателем [Там же, с. 9]. Ученый подчеркивает, что «текст как генератор смысла <...> для того, чтобы быть приведенным в работу, нуждается в собеседнике <...> В этом сказывается глубоко диалогическая природа сознания как такового» [Там же, с. 10]. Эти слова показывают со всей очевидностью, что в концепции Ю.М. Лотмана структурно-семиотический подход к текстовому взаимодействию органически совмещается с антропоцентрическим по своей сути принципом диалогизма сознаний М.М. Бахтина.

Одним из центральных тезисов концепции Ю.М. Лотмана является тезис о том, что культура в целом может рассматриваться как текст, но при этом сложно устроенный текст, «распадающийся на иерархию “текстов в текстах” и образующих сложные переплетения текстов» [Там же, с. 18]. Результатом введения фрагментов другого текста в создающийся текст

является порождение нового смысла, а также трансформация смыслов исходного и принимающего текстов. Экстраполируя это положение на культуру, Лотман делает важный вывод о том, что взаимодействие культур имеет своим результатом их взаимное обогащение и служит мощным стимулом их развития. Таким образом, в широком семиотическом смысле интертекстуальность предстает в концепции Лотмана как средство манифестации памяти культуры в тексте.

Рассмотрение сущности межтекстового взаимодействия в ракурсе культуры позволяет нам охарактеризовать подход, предложенный Ю.М. Лотманом, как **культурно-семиотический** в своей основе.

В своих последующих работах Ю.М. Лотман обращается к вопросам рассмотрения литературы и других видов искусства в контексте культуры. Культура при этом понимается как *ненаследственная память коллектива* [26, с. 487], которая хранится в текстах, являющихся не только генераторами новых смыслов, но и средством хранения памяти о предшествующих текстах. В коротком эссе 1985 г. «Память в культурологическом освещении» Ю.М. Лотман выделяет два типа памяти: информативную и креативную (творческую). К первому типу он относит механизмы сохранения результатов познавательной деятельности. Этот вид памяти, по мнению Лотмана, имеет плоскостной характер, подчинен закону хронологии и развивается в том же направлении, что и течение времени. Память искусства – это творческая память. Она имеет панхронный, континуально-пространственный характер, она противостоит времени. На разных этапах развития культуры, в разных социально-исторических условиях одни памятники культуры могут подвергаться забвению, другие – становиться значимыми, но с течением времени и смены культурных кодов они могут меняться местами. Память, по мнению Ю.М. Лотмана, «не является для культуры пассивным хранилищем, а составляет часть ее текстообразующего механизма» [26, с. 676].

Обращение Ю.М. Лотмана к проблеме памяти выводит его концепцию в область теории информации, искусственного интеллекта и нейросемиотики, в поиски возможного изоморфизма процессов порождения языка, текстов и культуры. Именно на этой основе, по аналогии с понятием ноосферы, предложенным В.И. Вернадским, Ю.М. Лотман вводит понятие семиосферы, определяемое им как «все присущее данной культуре семиотиче-

ское пространство» [26, с. 251], внутри которого оказываются возможными реализация коммуникативных процессов и выработка новой информации. Понимание семиосферы у него тесно связано с пониманием функционирования мозга: «Поскольку все уровни семиосферы – от личности человека или отдельного текста до глобальных семиотических единств – представляют как бы вложенные друг в друга семиосферы, каждая из них является одновременно и участницей диалога (частью семиосферы), и пространством диалога (целым семиосферы), каждая проявляет свойство правизны или левизны и включает в себя на более низком уровне правые и левые структуры» [25, с. 22–23].

Обращение Ю.М. Лотмана к феномену памяти как форме хранения знания, к понятию семиосферы в аспекте ее нейросемиотической сущности позволяет утверждать, что многие положения рассматриваемой теории тесно связаны с теми вопросами, которые анализируются сегодня в контексте когнитивной парадигмы, что лишний раз подтверждает преемственность в развитии гуманитарного знания. Как отмечает В.З. Демьянков, «в науке нередок тот случай, когда в новой концепции слышны отголоски когда-то звучащих положений и проблем. Затронуло это *déjà vu* и когнитивизм» [11, с. 17].

Во многом близка идеям Ю.М. Лотмана концепция И.П. Смирнова, положенная в основу исследования в интертекстуальном аспекте творчества Б.Л. Пастернака. Интертекстуальные отношения рассматриваются литературоведом как основа словесного творческого акта, а выявление и интерпретация интертекста служат отправным пунктом для реконструкции процесса текстопорождения, в результате которого «преобразуются предшествующие и образуются новые литературные произведения» [30, с. 5]. Говоря о будущем теории интертекстуальности, И.П. Смирнов пишет, что оно будет связано прежде всего с теорией памяти. Рассматривая роль памяти в сохранении и развитии культуры и художественного творчества, И.П. Смирнов разграничивает два типа памяти по их роли в интертексте: эпизодическую и семантическую. В эпизодической памяти хранится информация, полученная индивидом в ходе социальных действий и восприятия физического мира. Семантическая память хранит усвоенные нами тексты и сообщения. Любой текст, по мнению ученого, может экстерриоризовать как тот, так и другой тип памяти. Введя понятие памяти дискурса, Смирнов

отмечает, что эпизодическое содержание памяти дискурса может варьироваться в текстах одного класса, а семантическое содержание текстов данного класса упорядочивается инвариантно – в некоторой логической последовательности [30, с. 125–126]. Полагаем, что данные замечания исследователя о типах памяти и их роли в интертексте представляют значительный интерес для изучения интертекстуальности в когнитивном ракурсе и нуждаются в дальнейшем осмыслении.

Последовательно развивается трактовка интертекстуальности как средства овнешнения памяти культуры в работах Р. Лахманн, что нашло отражение уже в названии ее главной работы “Memory and Literature. Intertextuality in Russian Modernism” [38], центральным для которой становится тезис о том, что интертекстуальность является основным средством воплощения памяти культуры в тексте. Развивая идеи Ю.М. Лотмана, Р. Лахманн пишет о том, память культуры находит свое воплощение в интертекстуальности, которая может иметь самые различные формы манифестации. Отмечается, что в семантическом плане суть интертекстуальности состоит в том, что в процессе взаимодействия двух текстов происходит «семантический взаимообмен» (*semantic interchange*), в результате которого означаемое получает двойную референцию, т.е. отсылку одновременно и к ситуации, описываемой в тексте, и к другому тексту, что приводит к семантической усложненности смысла и, как следствие, требует глубокой читательской компетенции [Там же, с. 15–16]. Описывая суть этих разнообразных форм межтекстового взаимодействия и процессов порождения нового смысла в результате этого взаимообмена, автор использует метафору палимпсеста: “the writing surface of culture is used for creating new texts, after signs that are already inscribed have been scraped away or scratched off. This scraping or scratching, however, is not an erasure: older signs appear between the newer and the newest ones as dismembered parts of the text, fragments of something that as a whole remains alive” [Там же, с. 24] («Поверхность культуры используется для создания новых текстов после того, как стираются старые. Однако старые буквы не исчезают полностью: они проглядывают меж новых слов как отдельные части текста, как фрагменты чего-то, что отсылает нас к написанному ранее» (перевод наш. – А.К.)).

Тезис Р. Лахманн о т.н. семантическом взаимообмене, происходящем в процессе межтекстового взаимодействия, при котором смысл

формируется в семантическом пространстве, появляющемся в результате такого взаимодействия, заслуживает особого внимания: здесь нетрудно увидеть параллель с процессом концептуальной интеграции как одним из основных когнитивных механизмов смыслообразования.

Помимо глубоких теоретических положений, не потерявших своей актуальности сегодня, а, напротив, представляющих большой интерес для дальнейшего исследования теории интертекстуальности, работа Р. Лахманн содержит детальный и тщательный анализ художественных текстов русской литературы, который является лучшим подтверждением эффективности интертекстуального анализа текста с позиций культурно-семиотического подхода.

Культурно-семиотический подход находит дальнейшее развитие в работе Е.Е. Бразговской [6]. В качестве исходного служит тезис о том, что пространство культуры представляет собой пространство знаков-текстов, организованное по принципу семиозиса, в котором не может существовать изолированного текста-знака: каждый текст возникает как интерпретация предшествующих текстов и сам интерпретируется через последующие тексты.

Автор рассматривает феномен интертекстуальности с позиции семиотического механизма игры одного текста с другим / другими в пространстве гипертекста, подчеркивая, что межтекстовые взаимодействия, в которых текст играет с культурой и с другими текстами, создавая динамическое пространство значений и смыслов, демонстрируют непрерывность процесса семиозиса. При этом близкие друг другу в стилистическом или семантическом аспектах тексты могут образовывать парадигмы текстов, функционирующие как самостоятельный текст [Там же, с. 115].

Последовательно развивая семиотический подход к интертекстуальности, автор предлагает свою основанную на типах знаков классификацию интертекстуальных взаимодействий:

1) индексальные, т.е. основанные на непосредственном указании, осуществляемом из пространства одного текста в пространство другого текста (в качестве индексальных знаков при этом выступают цитаты и имена собственные);

2) иконические, в основу которых положены семиотические отношения подобия, или имитации, находящие отражение в воспроизведении характерных свойств одного текста в структуре другого, например в стилизации –

намеренном воссоздании автором стилистической манеры другого текста (Е.Е. Бразговская особо подчеркивает, что это достаточно сложный для интерпретации способ выражения интертекстуальных связей, поскольку он предполагает наличие у интерпретатора специальных связей, необходимых для выявления таких связей);

3) символические, при которых текст отсылает не к фрагменту или стилю другого текста, а к символам, функционирующим в культурном пространстве и служащим своего рода универсальными терминами, используемыми в качестве инструментов для интерпретации глубинных процессов мироустройства и культуры (например, лабиринт как символ движения или устройства интеллектуального пространства по типу сети) [6, с. 117–120].

Глубокий интертекстуальный анализ как художественных текстов, так и живописных и музыкальных произведений, представленный в работе, лишь подтверждает эффективность предлагаемого подхода и его большой аппликативный потенциал.

Интересный и перспективный аспект развития теории интертекстуальности рассматривается в статье Ю.С. Степанова, в личности которого всегда органически сочетались семиотик и культуролог. Рассматривая феномен интертекстуальности с позиции этого сочетания, Ю.С. Степанов выдвигает идею о том, что интертекст есть не что иное, как «естественная среда бытования культурных концептов». Интертексты, по мнению ученого, возникают в «горячих точках» культурной среды. В своей работе он рассматривает четыре «очага» таких интертекстов: пушкинский, шекспировский, мандельштамовский и интертекст А.Н. Веселовского о поэтике сюжетов [31, с. 4].

Семиотико-герменевтический подход представлен в трудах М. Риффатера, где ученый, по словам П. Аллена, пытался соединить идеи структурализма, постструктурализма, семиотики, психоанализа и различных теорий чтения [36, р. 115]. Однако главными отличительными чертами его работ являются, на наш взгляд, перемещение фокуса внимания от создателя текста к интерпретатору / читателю и попытка совмещения на этой основе семиотического подхода с идеями герменевтики и рецептивной эстетики.

Фокусируя свое внимание на роли читателя, М. Риффатер определяет сущность интертекстуальности прежде всего с читательской позиции. Рассматриваемая в этом аспекте, ин-

тертекстуальность трактуется им как «восприятие читателем отношений между данным произведением и другими» (цит. по: [27, с. 57]). Такой односторонний подход подвергается справедливой критике. Как отмечает Н. Пьеге-Гро, при подобной трактовке интертекстуальность попадает в полную зависимость от компетенции читателя, который может не идентифицировать интертекст в силу недостаточной литературной компетенции или, напротив, спроецировать на текст свои собственные референции и принять за интенциональную интертекстуальность случайную реминисценцию [Там же, с. 58]. Нам представляется более убедительной точка зрения Н.А. Фатеевой, которая выделяет авторскую и читательскую, или исследовательскую, интертекстуальность [33, с. 12–13], что находится в соответствии с принципом диалогизма сознания.

Многие идеи, представленные в работах М. Риффатера, нашли дальнейшее развитие и переосмысление в трудах И.В. Арнольд и ее школы, посвященных различным аспектам интертекстуальности. Ученый, обладающий необычайной широтой научных взглядов и глубокой научной эрудицией, И.В. Арнольд сумела органически соединить идеи диалогизма М.М. Бахтина, учение о семиосфере Ю.М. Лотмана, основные положения рецептивной эстетики, герменевтики и стилистики декодирования, показав тем самым преемственность в развитии гуманитарных наук [1–3]. При этом в центре ее интересов неизменно находились вопросы читательского восприятия и интерпретации текста, а анализ художественных текстов, представленный в ее статьях, является попыткой связать интертекстуальность с основами герменевтического прочтения текста. Основные положения концепции И.В. Арнольд могут быть обобщены следующим образом: читатель является активным участником творческого процесса в культурной коммуникации, а «социальное бытие текста предстает в духовном присвоении его читателем и в обратной связи, играющей важную роль в этом процессе» [2, с. 7]; текст несет в себе следы диалога автора со всей предшествующей культурой, а успех диалога читателя с автором возможен лишь при узнавании и интерпретации читателем этих следов, т.е. различных маркеров интертекстуальности; многовариантность прочтения – это закономерный признак искусства, но она не безгранична. Огромный творческий потенциал ученого проявляется не только в глубине ее теоре-

тического анализа проблемы, но и в ее видении перспектив исследования. Она усматривает их в изучении интертекстуальности в связи с проблемами языковой личности, развития познавательных способностей и с вопросами когнитивной теории [1, с. 55]. Именно поэтому трактовка концепции И.В. Арнольд как «узко маркированной теории интертекстуальности», не несущей новой исследовательской точки зрения, высказываемая отдельными авторами [35, с. 185], представляется нам не вполне убедительной.

Синергетический подход к исследованию текста и интертекстуальности как его неотъемлемой характеристики сформировался после заимствования понятия «энергия» из естественных наук в гуманитарные и формирования на этой основе нового направления в гуманитарных исследованиях, получившего название лингвосинергетики. В контексте данного подхода текст рассматривается как форма энергетического бытия, а энергия текста получает двойное толкование как проявленная энергия и как скрытая энергия, т.е. как способность к самоорганизации и саморазвитию. Основные положения этого новаторского подхода к интертекстуальности наиболее полно представлены в работах Н.А. Кузьминой [22–23]. Широко опираясь на труды исследователей, заложивших основы теории интертекста в ее различных аспектах, автор предлагает свое, синергетическое видение сущности этого феномена, с позиций которого интертекст предстает как «объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности Человека, способная бесконечно самогенерировать по стреле времени» [22, с. 20].

Таким образом, тремя основными субстанциями интертекста в таком его понимании являются Время, Человек, Текст. Человек при этом выступает прежде всего как *Homo sapiens* — человек, осуществляющий творческое действие над текстом (как автор, так и читатель), а текст — как пространство, в котором идет непрерывный процесс образования новых смыслов. Интертекстуальность рассматривается автором как онтологическое свойство текста, определяющее его «вписанность» в процесс эволюции [Там же, с. 22–25]. В качестве базовой функции интертекстуальности выделяется креативная функция. Основными терминами метаязыка авторского описания сущности интертекстуальности являются такие термины, как *энергия*, *энтропия*, *хаос*, *резонанс*,

стрела времени и т.д. Ключевым служит понятие энергии, которая рассматривается автором как комплексная величина, включающая две части: эксплицитную и имплицитную. Первая направлена на сохранение стабильности интертекста, преемственность эволюционного процесса, она обеспечивает упорядочивающее начало в интертексте и не подвержена изменениям во времени, а вторая — переменная, она определяет разное понимание интертекста в пространстве и времени, создает динамику, диффузность смыслов и связана с хаосом как одним из состояний интертекста. Именно имплицитная энергия служит источником таких свойств текста, как его уникальность и поэтичность [22, с. 39–42]. Начальный энергетический потенциал текста, по мнению автора, создается за счет взаимодействия энергии прототекста и автора, увеличение энергии происходит в процессе его восприятия читателем [Там же, с. 43–44].

Поскольку в фокусе внимания Н.А. Кузьминой находится прежде всего креативная функция интертекста, вполне естественно, что материалом для исследования первоначально стали поэтические тексты, в которых данная функция представлена наиболее полно, а настоящий поэт, по мнению Г. Блума, всегда перечитывает предшественников, «чтобы расчистить пространство для своего воображения» [Там же, с. 65].

Вторая книга, в которой Н.А. Кузьмина исследует в интертекстуальном аспекте рекламные тексты, бардовскую песню и произведения массовой литературы [23], убедительно показывает, что предлагаемый подход успешно работает при анализе текстов различных жанров и позволяет выявить новые аспекты такого комплексного феномена, каким является межтекстовое взаимодействие. Не может не обратить на себя внимания и такая особенность метаязыка автора, как значительная интертекстуальная насыщенность. Описывая сущность процессов межтекстового взаимодействия, Н.А. Кузьмина умело использует интертекстуальные маркеры в своем метаязыке («тема с вариациями», «три источника и три составные части»), демонстрируя тем самым богатый текстообразующий потенциал данного феномена.

Признавая несомненную научную новизну синергетического подхода и его большой прикладной потенциал, мы хотели бы сделать одно короткое замечание, касающееся некоторых особенностей метаязыка, использу-

емого как в данной работе, так и в других работах по лингвосинергетике. Нам кажется, что такие, вполне возможно, метафорические формулировки, как «сильные тексты отдают энергию читателям», «ритмы пульсации энергии текста и автора», создают впечатление, что тексту придается статус «самости», т.е. самостоятельно действующего субъекта или механизма, способного функционировать независимо от его создателя или интерпретатора. Мы разделяем точку зрения А.А. Залевской, считающей, что текст становится подлинно текстом, т.е. единством формы и содержания только в процессе его взаимодействия либо с продуцентом, либо с реципиентом [15, с. 13]. Очевидно, говорить об энергии текста можно лишь в том случае, когда мы рассматриваем его как ментальную сущность (текст в сознании автора или читателя), когда речь идет о концептуальной системе автора или реципиента как среде обитания текста.

Основы **коммуникативного подхода** к интертекстуальности наиболее полно представлены в исследовании Б.М. Гаспарова, который рассматривает данный феномен в ином ракурсе, а именно в аспекте его роли в коммуникации. При этом автор редко пользуется в своей работе термином *интертекст*, что вполне закономерно, поскольку в фокусе его внимания находится не текст, а наша языковая деятельность. Подчеркивая комплексный и многоликий характер языка, исследователь избирает объектом своего внимания не язык как систему или язык как текст, а язык как объект, над которым мы постоянно работаем, приспособивая его к конкретным коммуникативным задачам в нашей коммуникативной деятельности, и язык как среду, в которой происходит наша речемыслительная деятельность [9, с. 5–6]. Для обозначения этой ипостаси языка исследователь вводит понятие языкового существования. Рассматриваемый в этом аспекте, язык, по мнению Б.М. Гаспарова, предстает как гигантский конгломерат, вмещающий в себя принципиально неисчислимое открытое множество разнородных по своему объему и качеству «осколков» прошлого языкового опыта, хранящихся в нашей языковой памяти в различной форме и разном объеме. В процессе осуществления коммуникации эти «осколки» извлекаются нами из памяти, подвергаются различным модификациям, контаминациям, переосмыслению и участвуют в нашей речевой деятельности, которая предстает как «непрерывный поток “цитации”, чер-

паемой из конгломерата нашей языковой памяти» [Там же, с. 14]. По мнению автора, владение языком в значительной мере заключается именно в способности ориентироваться в этом языковом опыте, умении модифицировать его таким образом, чтобы коммуникация была успешной. При этом ученый подчеркивает не пассивный, а творческий характер такой работы, поскольку каждая реплика, извлекаемая из ресурсов памяти, неизбежно переосмыляется в новых коммуникативных условиях, приобретает новые смыслы и оказывает при этом не только проспективное, но и ретро-спективное воздействие.

В процессе коммуникации происходит постоянный взаимный обмен языковым опытом, в ходе которого создается общий «цитатный фонд» [9, с. 15, 115]. Понятие цитатного фонда сопоставимо с тем, что сегодня именуется общим лингвокультурным пространством.

Коммуникативный подход находит дальнейшее развитие в исследовании Г.В. Денисовой, органически сочетаясь при этом с **этнопсихолингвистическим подходом**, что позволяет автору рассматривать процессы межтекстового взаимодействия в новом исследовательском ракурсе – с позиции лингвокультурного сознания [12]. В рамках предлагаемого подхода интертексты понимаются как составляющие семантической памяти носителей русского языка и культуры и их употребления в различных сферах коммуникации, что сближает позицию исследовательницы с позицией Б.М. Гаспарова. Г.В. Денисова трактует феномен интертекстуальности как категорию коммуникации, выходящую за пределы только литературных текстов и занимающую важное место в структуре языкового существования. Как показывает автор, в лингвокультурном сознании любого этноса за длительное время его существования формируется большой корпус текстов и речевых клише, которые хранятся в памяти и активизируются говорящими в процессе коммуникации. Эта область культурной памяти именуется автором интертекстуальной энциклопедией. Она имеет полевое строение и включает как «сильные», т.е. постоянно востребованные в определенный культурно-исторический период, тексты, так и «слабые», находящиеся на периферии культурного пространства, а также как национальный, так и индивидуальный слои [Там же, с. 142–157].

Развивая положение об интертекстуальной энциклопедии, Г.В. Денисова переносит

его в сферу проблематики когнитивного развития лингвокультурной личности, посвятив этому отдельную главу работы, в которой интертексты рассматриваются в ракурсе этнопсихолингвистики, что позволяет выявить национально-культурную специфику языкового сознания. Значительный интерес в этой части работы представляет раздел, посвященный специфике языкового сознания билингов (прежде всего вопрос о судьбе интертекстуальных включений в процессах перевода, рассматриваемый на материале текстов В. Набокова) [12, с. 181–261]. Заслуживают особого внимания и выделенные автором функции интертекстуальности, выявленные на основе анализа речевой деятельности носителей русского языка [Там же, с. 157–181].

Таковы, на наш взгляд, основные подходы к исследованию феномена интертекстуальности. При этом необходимо подчеркнуть, что между ними не существует жесткой разграничительной линии, в каждом из них присутствуют в той или иной мере элементы интеграции с другими подходами. Есть и такие исследования, которые с трудом можно отнести к какому-либо из мейнстримов, поскольку в них органически сочетаются элементы разных подходов. К числу таких работ относится, на наш взгляд, исследование Н.А. Фатеевой [34], в котором автор, вбирая различные теории интертекста, развивает собственный подход, сочетающий традиции и современность. Не разделяя точку зрения постструктуралистов о «смерти автора», исследователь рассматривает художественный текст прежде всего как воплощение авторского замысла, а интертекстуальность – как особый прием смыслопорождения. Большое внимание в работе уделяется роли интертекстуальности в формировании идиостиля писателя. Говоря об идиостильных влияниях, Н.А. Фатеева вводит понятие Единого текста русской литературы, прослеживая межтекстовые связи между такими авторами, как А.С. Пушкин, Б.Л. Пастернак, Ф.М. Достоевский и В.В. Набоков. Идея о наличии Единого текста русской литературы развивается также в исследовании А. Ранчина на материале поэзии И. Бродского [28].

Поскольку интертекстуальность является объектом изучения как литературоведения, так и лингвистики, исследования по теории интертекстуальности различаются и по тому, какой анализ в них превалирует: литературоведческий или лингвистический. На необходимость разграничения литературоцентриче-

ского и лингвоцентрического подходов указывают многие исследователи (см., например: [10; 29]). Данное разграничение вполне понятно и правомерно: в поле зрения литературоведов находятся такие вопросы, как литературные влияния и традиция, трансляция культуры в пространстве и времени, «странствующие сюжеты и образы»; лингвисты исследуют вербальные маркеры интертекстуальности и их смысло- и текстобразующие функции. Большинство лингвистических исследований интертекстуальности проводится в рамках лингвистики текста (см., например: [35]). Однако возможна, на наш взгляд, и значительная степень интеграции литературоведческого и лингвистического анализов в исследовании интертекстуальности [20].

Подводя итоги, отметим, что мы разделяем мнение Г.В. Денисовой о принципиальной незавершенности проблемы интертекстуальности, что обусловлено как развитием самой науки, так и постоянно продолжающимися интертекстуальными практиками, требующими теоретического осмысления. Перспективными, на наш взгляд, и требующими дальнейшего осмысления являются такие вопросы, как специфика интертекстуальных связей и их функций в различных жанрах, роль и место интертекста в идиостиле автора, специфика когнитивного развития и интертекстуального тезауруса билингвальной / полилингвальной языковой личности, а также вопрос о трансляции смысла интертекста при переводе. Требуется дальнейшего изучения вопрос о роли памяти и о формах хранения знаний о прецедентных феноменах в интертекстуальном тезаурусе личности. Эти и другие вопросы позволяют сделать вывод о целесообразности интеграции семиотического и когнитивного подходов к изучению феномена интертекстуальности.

Литература

1. Арнольд И.В. Проблемы интертекстуальности // Вестн. С.-Петербург. Ун-та. Сер. 2. 1992. Вып. 4 (№23). С. 53–61.
2. Арнольд И.В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика // Интертекстуальные связи в художественном тексте. СПб.: РГПИ им. А.И. Герцена, 1993. С. 4–12.
3. Арнольд И.В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста): лекции к спецкурсу. СПб.: Образование, 1995.
4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 413–423.

5. Барт Р. S/Z. М.: AdMarginem, 1994.
6. Бразговская Е.Е. Языки и коды. Введение в семиотику культуры: учеб. пособие. Пермь, 2008.
7. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Логоэпистемическая составляющая современного языкового вкуса // Филол. науки. 2008. № 3. С. 3–11.
8. Вдовина А.В. Этика языковой деконструкции Ж. Деррида: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2012.
9. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Нов. лит. обозрение, 1996.
10. Гаспаров Б.М. Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. С. 3–9.
11. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопр. языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
12. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод / предисл. С. Гардзонио, Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2003.
13. Женетт Ж. Структурализм и литературная критика // Его же. Фигуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. С. 160–179.
14. Женетт Ж. Палимпсесты. Литература во второй степени. М.: Наука, 1989.
15. Залевская А.А. Синергетическая психолингвистика или психолингвистическая синергетика? // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы : сб. ст. / под общ. ред. Л.М. Босовой. Барнаул, 2000. С. 10–16.
16. Ильин И.П. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение: энцикл. справочник. М.: Интрада, 1996. С. 204–210.
17. Ильин И.П. Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики: сб. науч.-аналит. тр. М.: ИНИОН, 1989. С. 186–207.
18. Косиков Г.К. Текст / Интертекст / Интертекстология. Предисловие // Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 8–42.
19. Косиков Г.К. «Структура» и/или «Текст» (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 3–48.
20. Кремнева А.В. Интертекстуальность как предмет изучения литературоведения и лингвистики: интегративный подход // Филология и человек. 2010. № 1. С. 7–19.
21. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму : пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 427–458.
22. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004.
23. Кузьмина Н.А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации: моногр. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2009.
24. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам. XIV. Тарту, 1981. С. 3–18.
25. Лотман Ю.М. О семиосфере // Труды по знаковым системам. XVII. Тарту, 1984. С. 5–23.
26. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
27. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
28. Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Бродского. М.: Нов. лит. обозрение, 2001.
29. Ревзина О.Г. Лингвистические основы интертекстуальности // Текст. Интертекст. Культура: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 4–7 апреля 2001 г.) / РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2001. С. 60–63.
30. Смирнов И.П. Порождение Интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака. СПб., 1995.
31. Степанов Ю.С. «Интертекст», «Интернет», «Интерсубъект» (К основаниям сравнительной концептологии) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 1. С. 3–11.
32. Тороп П. Тартуская школа как школа // В честь 70-летия профессора Ю.М. Лотмана. Тарту: Эйдос, 1992. С. 5–19.
33. Фатеева Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном тексте // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 5. № 5. С. 12–21.
34. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: АГАР, 2000.
35. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: ЛИБРИКОМ, 2009.
36. Allen G. Intertextuality. London; New York: Routledge, 2000.
37. Iser W. Intertextuality: The Epitome of Culture: foreword to // Lachmann, Renate. Memory and Literature. Intertextuality in Russian Modernism / Translated by R. Sellars and A. Wall. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 1997.
38. Lachman R. Memory and Literature. Intertextuality in Russian Modernism / Translated by R. Sellars and A. Wall. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 1997.
39. Lachmann R. Cultural Memory and the Role of Literature // Контрапункт. Книга статей памяти Г.А. Белой. М.: РГГУ, 2005. С. 357–372.
40. Riffaterre M. Sémiotique intertextuelle: l'interprétant // Revue d'esthétique. 1972. № 1–2. P. 128–150.

41. Riffaterre M. *Semiotics of Poetry*. Bloomington: Indiana University Press, 1978.
42. Riffaterre M. *Interpretation and Undecidability* // *New Literary History*. 1980. №12(2). P. 227–242.
- * * *
1. Arnol'd I.V. *Problemy intertekstual'nosti* // *Vestn. S.-Peterb. Un-ta. Ser. 2*. 1992. Vyp. 4 (№23). S. 53–61.
2. Arnol'd I.V. *Chitatel'skoe vosprijatie intertekstual'nosti i germenevitika* // *Intertekstual'nye svjazi v hudozhestvennom tekste*. SPb.: RGPI im. A.I. Gercena, 1993. S. 4–12.
3. Arnol'd I.V. *Problemy dialogizma, intertekstual'nosti i germenevitiki (v interpretacii hudozhestvennogo teksta): lekcii k speckursu*. SPb.: Obrazovanie, 1995.
4. Bart R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Pojetika* / per. s fr., obshh. red. i vstup. st. G.K. Kosikova. M.: Progress, 1989. S. 413–423.
5. Bart R. *S/Z*. M.: AdMarginem, 1994.
6. Brazgovskaja E.E. *Jazyki i kody. Vvedenie v semiotiku kul'tury: ucheb. posobie*. Perm', 2008.
7. Burvikova N.D., Kostomarov V.G. *Logojepistemicheskaja sostavljajushhaja sovremennogo jazykovogo vkusa* // *Filol. nauki*. 2008. № 3. S. 3–11.
8. Vdovina A.V. *Jetika jazykovoj dekonstrukcii Zh. Derrida: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk*. Tula, 2012.
9. Gasparov B.M. *Jazyk. Pamjat'. Obraz. Lingvistika jazykovogo sushhestvovaniya*. M.: Nov. lit. obozrenie, 1996.
10. Gasparov B.M. *Literaturnyj intertekst i jazykovoj intertekst* // *Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka*. 2002. T. 61. S. 3–9.
11. Dem'jankov V.Z. *Kognitivnaja lingvistika kak raznovidnost' interpretirujushhego podhoda* // *Vopr. jazykoznanija*. 1994. № 4. S. 17–33.
12. Denisova G.V. *V mire interteksta: jazyk, pamjat', perevod / predisl. S. Gardzonio, Ju.N. Karaulova*. M.: Azbukovnik, 2003.
13. Zhenett Zh. *Strukturalizm i literaturnaja kritika* // *Ego zhe. Figury*. M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1998. T. 1. S. 160–179.
14. Zhenett Zh. *Palimpsesty. Literatura vo vtoroj stepeni*. M.: Nauka, 1989.
15. Zalevskaja A.A. *Sinergeticheskaja psiholingvistika ili psiholingvisticheskaja sinergetika? // Metodologija sovremennoj lingvistiki: problemy, poski, perspektivy: sb. st. / pod obshh. red. L.M. Bosovoj*. Barnaul, 2000. S. 10–16.
16. Il'in I.P. *Intertekstual'nost'* // *Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie: jencikl. spravocnik*. M.: Intrada, 1996. S. 204–210.
17. Il'in I.P. *Stilistika intertekstual'nosti: teoreticheskie aspekty* // *Problemy sovremennoj stilistiki: sb. nauch.-analit. tr.* M.: INION, 1989. S. 186–207.
18. Kosikov G.K. *Tekst / Intertekst / Intertekstologija. Predislovie* // *P'ege-Gro N. Vvedenie v teoriju intertekstual'nosti: per. s fr. / obshh. red. i vstup. ct. G.K. Kosikova*. M.: Izd-vo LKI, 2008. S. 8–42.
19. Kosikov G.K. *«Struktura» i / ili «Tekst» (strategii sovremennoj semiotiki)* // *Francuzskaja semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* / per. s fr. i vstup. st. G.K. Kosikova. M.: Progress, 2000. S. 3–48.
20. Kremneva A.V. *Intertekstual'nost' kak predmet izuchenija literaturovedenija i lingvistiki: integrativnyj podhod* // *Filologija i chelovek*. 2010. № 1. S. 7–19.
21. Kristeva Ju. *Bahtin, slovo, dialog i roman* // *Francuzskaja semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu*: per. s fr. i vstup. st. G.K. Kosikova. M.: Progress, 2000. S. 427–458.
22. Kuz'mina N.A. *Intertekst i ego rol' v processah jevoljucii pojeticheskogo jazyka*. 2-e izd., ster. M.: Editorial URSS, 2004.
23. Kuz'mina N.A. *Intertekst: tema s variacijami. Fenomeny kul'tury i jazyka v intertekstual'noj interpretacii: monogr.* Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta, 2009.
24. Lotman Ju.M. *Tekst v tekste* // *Trudy po znakovym sistemam*. XIV. Tartu, 1981. S. 3–18.
25. Lotman Ju.M. *O semiosfere* // *Trudy po znakovym sistemam*. XVII. Tartu, 1984. S. 5–23.
26. Lotman Ju.M. *Semiosfera*. SPb.: Iskusstvo-SPB, 2000.
27. P'ege-Gro N. *Vvedenie v teoriju intertekstual'nosti: per. s fr. / obshh. red. i vstup. st. G.K. Kosikova*. M.: Izd-vo LKI, 2008.
28. Ranchin A. *«Na piru Mnemoziny»: Interteksty Brodskogo*. M.: Nov. lit. obozrenie, 2001.
29. Revzina O.G. *Lingvisticheskie osnovy intertekstual'nosti* // *Tekst. Intertekst. Kul'tura: materialy mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 4–7 aprolja 2001 g.)* / RAN, Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova. M.: Azbukovnik, 2001. S. 60–63.
30. Smirnov I.P. *Porozhdenie Interteksta. Jelementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorcestva B. L. Pasternaka*. SPb., 1995.
31. Stepanov Ju.S. *«Intertekst», «Internet», «Inter-sub#ekt» (K osnovanijam sravnitel'noj konceptologii)* // *Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka*. 2001. T. 60. № 1. S. 3–11.
32. Torop P. *Tartuskaja shkola kak shkola* // *V chest' 70-letija professora Ju.M. Lotmana*. Tartu: Jejdod, 1992. S. 5–19.
33. Fateeva N.A. *Intertekstual'nost' i ee funkicii v hudozhestvennom tekste* // *Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka*. 1997. T. 5. № 5. S. 12–21.
34. Fateeva N.A. *Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov*. M.: AGAR, 2000.
35. Chernjavskaja V.E. *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost': ucheb. posobie*. M.: LIBRIKOM, 2009.

Main directions of intertextual research and prospects of further research of intertextual interaction

The article deals with the main directions of intertextuality research and the prospects of their development. It is noted that, despite the huge number of works devoted to various aspects of intertextuality, there is still great interest in this issue. The research analysis regarding the intertextuality issue allows the conclusion about several approaches to research it. It is emphasized that there are no strict limits between them, the elements of integration with other approaches can be found. It is also noted that a number of research works can hardly be referred to any of the mainstream.

Key words: *intertextuality, structural and semiotic approach, cultural and semiotic approach, semiotic and hermeneutic approach, synergetic approach, communicative approach, ethnopsycholinguistic approach.*

(Статья поступила в редакцию 22.12.2016)

М.А. КАЛИНИНА
(Волгоград)

ВЫЯВЛЕНИЕ ДЕРИВАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на примере галлицизмов)

Рассматриваются вопросы адаптации иноязычной лексики (на примере галлицизмов) к системе русского языка, в частности выявления ее деривационного потенциала. Рассмотрение происходит с учетом семантико-деривационных и словообразовательных особенностей. Это позволяет установить системно-структурные связи заимствованных слов в русском языке.

Ключевые слова: *заимствование, галлицизм, деривация, семантическая деривация, деривационные возможности, деривационный потенциал, словообразовательный потенциал.*

Несмотря на активный интерес лингвистики к заимствованной лексике и пристальное ее рассмотрение, в науке о языке остается немало нерешенных вопросов, связанных с ее дерива-

ционным потенциалом в русском языке. Определение деривационных возможностей заимствования является одним из значимых критериев его освоения русским языком. К сожалению, значительно затрудняет работу недостаточная лексикографическая освещенность, когда требуются системно-структурные сведения о заимствовании. Слово как узел пересечения парадигматических и синтагматических свойств нуждается в установлении системно-деривационных закономерностей развития.

Поскольку под потенциалом языковой единицы понимается некий объем накопленных ею ресурсов в системе языка-источника и языка-реципиента в процессе поэтапного формирования, то каждый определенный этап будет характеризоваться совокупностью соответствующих признаков, которые и должны быть представлены в словарной статье.

Например, *багаж* репрезентирован в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крыгина двумя семами: «1. Упакованные для отправки, перевозки вещи, груз пассажиров. *Получить багаж. Сдать в багаж. Отправить багажом*; 2. *перен.* О запасе знаний, сведений. *Научный багаж*» [4, с. 97].

В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных относительно слова *багаж* дополнительно отмечается, что «в начале XVIII века это слово могло употребляться и с более широким значением: “телеги и все, что с собою можно в дорогу взять”, т.е. “военный обоз”» [11, т. 1, с. 63].

Таким образом, возникновение дополнительного, переносного значения говорит о достаточной степени освоенности слова, позволяющей носителям языка сформировать коннотативные значения в процессе речевой деятельности. Это синтагматическое свойство обусловлено долгим процессом включения лексики *багаж* в систему русского языка.

Соответственно, благодаря достаточному лексикографическому описанию мы можем выявить особенности освоения иноязычного слова, динамику формирования его значения в языке-реципиенте, чем обусловлено его современное понимание и что определяет его деривационные возможности.

Исследованию деривационных возможностей сопутствует термин «продуктивность». Это мера потенциального заряда словообразовательной единицы [3]. *Продуктивность* как категория, измеряющая деривационный по-